

анатомия убийства

ЛИВ АНДЕРССОН

МАЛЕНЬКИЙ
КРАСНЫЙ ДОМ

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

А65

Liv Andersson

THE LITTLE RED HOUSE

Серия «Анатомия смерти»

Печатается с разрешения The Quick Brown Fox and Company, LLC и литературного агентства Andrew Nurnberg

Перевод с английского *Клемшова Александра*

Оформление обложки *Воробьева Александра*

В книге присутствуют упоминания социальных сетей (Instagram, Facebook), относящихся к компании Meta, признанной в России экстремисткой и чья деятельность в России запрещена.

Андерссон, Лив.

А65 Маленький красный дом: [роман] / Лив Андерссон; — [перевод с английского Клемшов А.А.]. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 352 с. — (Анатомия смерти).

ISBN 978-5-17-153664-0

В 1997 году дочь Евы Фостер, Келси, убегает в Нью-Мексико и бесследно исчезает. Ева убеждена, что она стала жертвой серийного убийцы, который охотится на женщин в этом регионе. Тело Келси так и не было найдено.

Спустя годы Ева умирает, оставив все своим приемным дочерям-близнецам. Конни наследует лишь небольшую стипендию и недвижимость в Нью-Мексико, а ее сестра — весь бизнес и поместье в Вермонте. Их мать и при жизни не отличалась добротой, но даже умерев, словно продолжает мстить дочерям. Конни приезжает в Нью-Мексико, и находит там только маленький полуразрушенный красный домик в пустыне и таинственного зрителя дома.

Она узнает, что в этом районе было убито много женщин, но почему-то все молчат об этом. Конни пытается докопаться до правды, вынужденно втянутая в садистские игры разума ее умершей матери.

Удастся ли ей спасти себя и то небольшое, что осталось от ее разрушенной семьи, когда серийный убийца уже совсем близко?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-153664-0

© Liv Andersson, 2022

© Клемшов А.А., перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава первая

Келси Фостер

Где-то в Нью-Мехико — 1997 год

Ночи кажутся бесконечными, а дни — еще хуже. Он должен умереть, говорю я себе снова и снова. Эта мысль — единственное, что помогает мне держаться. Половицы скрипят над головой. Мои плечи напряжены, мышцы сжаты. Этот мудака вернулся домой, где бы он ни пропал с утра до заката. Я следила за каждым его движением — вверх, вниз — по этой богом забытой дыре в течение последнего часа. Ему нравится дразнить меня.

Я жду. Как обычно жду.

Я шевелю запястьями, пытаюсь восстановить кровоток. Доска подо мной вонзается мне в спину тысячей крошечных булавочных уколов. Подушка пахнет гнилью и плесенью. Я накрыта какой-то толстой звериной шкурой. Здесь, в подвале, жарко, сухо, и он кишит мелкими тварями, которые шныряют по ночам из угла в угол, а шкура воняет шариками от моли и запахом тела. Каждое утро этот ублюдок протирает мою кожу прохладной влажной тканью, смывает пот, ищет, по его словам, укусы пауков. Это фальшивое проявление человечности, которое я и использую против него.

Я слышу, как отодвигается засов, и задерживаю дыхание. Ему потребуется ровно тринадцать шагов, чтобы добраться до подвала. Шарк, шарк... Я считаю каждый звук. На тринадцатом шаге он снова остановится, чтобы забрать свое оборудование. Я представляю этот стол, представляю инструменты. Арсенал инквизитора.

Еще семь шагов, и я почувствую его пальцы, развязывающие меня, на своих ногах — он распутает мои щиколотки, только их; руки же, впивающиеся в грубую доску,

останутся связанными. Я почувствую его язык на своей шее, а сам он при этом будет ощупывать, хватать, шарить... даже хуже, чем твари, двигающиеся по моей обнаженной коже ночью. Хуже, чем занозы в моих ладонях.

Я не буду пытаться скрыть отвращение. В этом нет смысла. Я пыталась играть покорную жертву, презрительную доминантку, ворчливую мамочку... Результат всегда один. Он хочет лишь одного — получить удовлетворение, используя любые инструменты, которые заводят его в этот день. Он будет рычать, стонать, обливаться едким, склизким, отвратительным потом. А я буду лежать неподвижно, наблюдая за ним. Следить за потоком света, который просачивается в голую, темную комнату сквозь картон, закрывающий единственное узкое окошко моей тюрьмы. Встреча ледяных глаз с ледяными глазами. В моей голове это еще один пункт, чтобы запомнить. День, яркость луны, уровень жестокости, измеряемый от одного до четырех. Веду свой внутренний журнал, подбирая удобный момент.

Я всегда в ожидании.

Это противостояние, говорю я себе. То, которое я выиграю, если смогу просто перехитрить своего соперника. Финал игры очевиден: только один из нас покинет этот дом живым.

И это будет не он.

Глава вторая

*Констанс Фостер
Нью-Йорк*

По тому, как тени падали на его голый живот — плоский, вздымающийся, — я могла сказать, что был почти полдень. Простыня подо мной царапалась, точно наждачная бумага, а та, что сверху, едва ли не хрустела от засохшего пота и чего-то еще более отвратительного. Я перевернулась; голова пульсировала. Прошло двадцать две ночи, а у меня уже почти не было наличных, и мне пришлось спать на полу у какого-то парня в квартире недалеко от Челси. Брайан? Брюс? Brent? Черт его знает. Суть

была в том, что случилось именно то, о чем говорила Ева: я растратила те небольшие деньги, которые у меня были, и оказалась на улице. Это ненадолго. Я что-нибудь придумаю.

Вчерашний «талон на питание» неуклюже выбрался из постели, поднял шторы так, чтобы солнечный свет лился из пыльного окна на матрас на полу, разгоняя тараканов. Он бросил мне полотенце, пахнущее потом и спермой.

— Ты можешь принять душ первой. — Его взгляд упал на часы над кухонным столом в студии. — Тебе нужно поскорее убираться отсюда, Конни.

Его тон был виноватым, но в глазах мелькнула паника. Я порылась в своей спортивной сумке.

— Что, больше не свободен?

— Я сказал, что не женат, и я не женат.

— Но у тебя есть девушка.

— Она не девушка... просто друг. — Он отвернулся, пряча глаза. — Она бы не поняла. Ну, то, что ты здесь, и все такое.

— Разумеется.

Судя по тусклой безвкусице квартиры, я бы предположила, что девушка, которая «просто друг», действительно являлась просто другом. В противном случае она оказала бы какое-то влияние на эту свалку или по крайней мере вдохновила бы его на уборку. Но я искала признаки другой женщины две ночи назад, когда мы только приехали. Ни второй зубной щетки, ни тампонов, ни геля для душа с ароматом лаванды. Он не был женат, а если и был, то они со своей второй половинкой не жили вместе. Эта квартира недостаточно хороша даже для того, чтобы быть любовным гнездышком.

Он сказал, что юрист. Основываясь на адресе и качестве его одежды и электроники, я могла бы поверить, что он был кем-то вроде адвоката с низким доходом — и не слишком хорошо справлялся со своей работой. Или, может быть, бесплатный государственный защитник. Или помощник юриста. Или, может быть, он был лжецом и чистил туалеты на Пенсильванском вокзале. Чем бы он ни занимался по жизни, сейчас он стоял с жалкой щетиной, проросшей на его румянном лице, прикрываясь руками — пытаясь спрятать свой сморщенный пенис.

Я потянулась и встала с кровати, обернувшись грязным полотенцем.

— Тебе есть куда пойти?

Он выглядел искренне обеспокоенным. Я была бы тронута, если бы не его растущая эрекция и не следы от ногтей на груди. Вчерашняя пятая порция бурбона и схватка на полу вернулись ко мне облаком сожаления. Во рту был привкус оружейной смазки, веки ныли от желания закрыться. Плюс один балл для Евы.

— Конечно, — сказала я, внезапно больше всего на свете желая убраться из этого места. Я натянула брюки-карго и черный свитер с высоким воротом, который, казалось, стягивал мне шею.

— Тебе нужны наличные? — поинтересовался он, наблюдая за мной, пока доставал одежду из корзины на полу.

— Я не профессионалка.

— Я знаю, — покраснел он. Надел боксеры, однако его член, полный надежды, все еще натягивал клетчатый рисунок трусов. — Это было весело, Конни. А девушка... она просто друг, честно. Я тебя когда-нибудь еще увижу?

— Сомневаюсь. — Я обернулась, увидела замешательство в его глазах и услышала голос Евы в своей голове: «Шлюха однажды — шлюха навсегда». Я подумала о том, чтобы поцеловать его в щеку, но решила не делать этого. — Спасибо за приют и за хорошо проведенное время.

Он схватил мою руку, притянул ее к своей промежности.

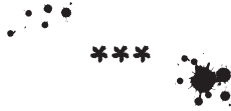
Я пихнула его кулаком в живот, прорычала «придурок» и протиснулась к двери.

Идти мне было некуда. Двадцать два дня я сэкономила свои деньги, и у меня осталось 68 долларов плюс десятка, которую я стащила с кухонного островка Брайана/Брюса/Брента — деньги, как я рассуждала, спасенные от тараканов, — плюс карта метро. Трудно найти работу, когда у тебя нет адреса, но первая комната, которую я сняла, оказалась в притоне для наркоманов. Я пробыла там пять

ночей. На шестую запах живых трупов в соседней комнате вывел меня из себя. Мне нужен был способ заработать деньги. Если бы я попросила, Ева отправила бы мне, но я бы скорее умерла, чем позвонила. Потому что цена была слишком высока.

Облака сгущались над головой, окрашивая пространство между небоскребами в раздражающий серый цвет. Я побрела по Восточной 42-й улице, решая, что делать дальше. Первые капли упали, когда я добралась до Пятой авеню и вбежала на Центральный вокзал аккуратно перед началом майского ливня. Внутри я купила багет и маленький пакетик миндаля. Я обменяла карту метро на место в вагоне. Человек может ездить в метро очень долго, тем более что у меня не было никакой необходимости где-то выходить.

Должно быть, я заснула. Мои глаза резко открылись, но невыносимое чувство дезориентации ослабело не сразу. Свет в вагоне казался неестественно ярким. Достойные апокалипсиса пассажиры с пустыми глазами сидели, упорно игнорируя друг друга. Женщина с помятым лицом, покрытым грязью и морщинами, смотрела на меня, протянув руку. Открытая рана гноилась на коже ее правого предплечья, а на пальцах виднелись характерные узелки от бесчисленных ночей, проведенных на улице. Ей могло быть и шестьдесят, и сорок.

Я отвела взгляд в сторону, к окну, и потеряла лицо. Отражение, смотревшее на меня, было изможденным, худым и угловатым — ни следа прежней пляжной Констанс. Я предположила, что это и являлось причиной маленьких игр, затеянных Евой. Когда другие меры не сработали, она перешла к тяжелой артиллерии. Тонуть или плыть. Жить или умереть. Стереть границы между безумием и здравомыслием. Игра, в которой моей сестре Лайзе не пришлось бы участвовать.

Бездомная женщина хмыкнула. Она стояла, держась за перила передо мной, ее голова была склонена в мольбе.

Синяки усеивали ее шею, от нее воняло потом и гниющим мусорным баком. Я напомнила себе, что и она была чьей-то дочерью.

«Черт возьми...» Я потянулась за своей сумкой, полагая, что пятидолларовая купюра принесет ей больше пользы, чем мне. Вот только моя сумка пропала. Я привязала ее к ноге на случай, если задремлю, но кто-то, должно быть, отцепил ее в перегоне между станциями.

— Ты видела, кто взял мою сумку? — спросила я женщину.

Она снова протянула руку и застонала.

— Кто-нибудь видел, кто украл мою сумку?!

Мне не понравилась истерика в моем голосе, и, очевидно, бездомной женщине тоже. Она отступила в тень. Поддожины других людей в вагоне устали на стены и пол. Негласный кодекс нью-йоркских обездоленных: ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу.

«Дьявол!» Я встала, радуясь, что мой телефон и маленький рюкзак все еще были на месте. Я держала свои деньги отдельно — часть в сумке, часть в маленьком кармашке, который я вшила в лифчик, а остальное в рюкзаке. Я пришла к этому на собственном горьком опыте в моем первом тестовом городе — Чикаго. Но в сумке лежали моя одежда и айпад — вещи, которые я никак не могла купить на те небольшие деньги, которые у меня оставались.

Крик булькнул и замер у меня в горле. Закрыв глаза, я снова села. Нравится мне это или нет, но мне больше некуда идти. У меня все еще был мой телефон — Ева оставила мне хотя бы его. Я бы нашла приют на ночь, а завтра отправилась в Сохо. Я бы снова попыталась отыскать какую-нибудь работу. Держатель вывески, билетер, мойщик полов — без разницы. Меня бы устроило. К черту колледж, к черту мое наследство! К черту Лайзу. Игры устарели. Возможно, я действительно сумела бы избавиться от Евы.

Бездомная женщина вернулась, ее глаза впелись в мои.

— Проваливай, — прорычала я, чувствуя злость ко всем на свете, и отмахнулась от нее. Она вздрогнула, забившись обратно в свой угол. Я отогнала стыд.

Поезд подъехал к последней остановке на линии. Он направлялся обратно на Центральный вокзал, а затем останавливался на ночь. Но с меня было довольно навяз-

чивости моей бездомной попутчицы. Я сунула 2 доллара в руку несчастной женщины и выскочила из метро. Я решила рискнуть здесь. Что мне терять?

Он сказал, что его зовут Ирвинг. У него были длинные руки, белые зубы и волосы цвета грязного снега. Я возненавидела его с первого взгляда. Его губы коснулись моей шеи. Я ощутила запах итальянского сэндвича и табака, и мой желудок предательски заурчал — багет и орешки тоже остались в сумке. Он услышал это и улыбнулся.

Я отстранилась, глаза металась по сторонам в поисках выхода.

— Сколько? — прошептал он. — За анал?

Бар был почти пуст. Я воспользовалась туалетом, чтобы умыться, а затем пила стакан минералки так долго, как только могла, в поисках дружелюбного лица и бесплатных орешков. Я не нашла ни того, ни другого — только Ирвинга. Я отказалась от его предложения выпить, но он, должно быть, почувствовал мое отчаяние. Такой хищник, как он, мог учуять это во мне — сладкий аромат для его извращенных чувств.

Его язык скользнул по моему уху.

— Да ладно, сколько?

Я могла бы уйти и взять такси — вот только у меня не было денег на проезд. Метро находилось всего в квартале отсюда. Я могла бы убежать, даже если бы он последовал за мной. Продолжать кататься на поезде до рассвета. Я встала.

Он схватил меня за руку. Я потряхнула ее, бросила доллар за воду на стойку бара и направилась к двери. Это место пахло одиночеством и сожалением. Я увидела чернокожего мужчину в деловом костюме, наблюдавшего за нами с другого конца бара. Ирвинг последовал за мной через двойную стеклянную дверь на пустынную улицу. Холодный воздух, словно пощечина, взбудрил меня.

— Эй, — крикнул Ирвинг. — Ну-ка вернись!

Я продолжала идти, ускоряя шаг. Он был быстр для своего возраста. Я почувствовала его хватку на своей шее и невероятно длинную руку на моей талии.

— Я же сказал тебе вернуться! — Ирвинг притянул меня к себе, приставил нож к ребрам. Другой рукой он стащил с моих плеч рюкзак. — Ты же хочешь этого, значит, пойдешь со мной.

Я сделала глубокий вдох, затем выдохнула, успокаивая свои нервы. Мое сердце колотилось где-то в горле, и я молилась, чтобы оно замедлилось. Я знала таких людей, как Ирвинг. Страх был его наркотиком.

Он поцеловал меня в ухо и вцепился в грудь.

— Всего на несколько часов. Я ведь старался быть вежливым.

— Ладно.

— Хорошая девочка.

Я расслабила мышцы, подалась к нему, отстраняясь от ножа. Уличные фонари пульсировали, но то была уловка моего сужающегося зрения. Я услышала какой-то шорох позади нас, увидела свет других уличных фонарей в конце квартала. Он все еще держал меня.

— Пятьдесят баксов, — прошептала я.

— Двадцать. — Он помахал рюкзаком перед моим лицом, вне пределов моей досягаемости. — И я делаю все, что пожелаю.

— Ладно.

Он начал отпускать меня. Резким толчком я схватила его за запястье и вывернула руку назад. Что-то хрустнуло. Нож со звоном упал на землю. Мы оба уставились на это, но я сильнее потянула его за согнутую руку и пихнула коленом в поясницу, целясь в почки. Он застонал: отвратительный звук, который начинался низко и сворачивался вокруг себя, пока не превратился в рокот.

— Беги, — сказал голос позади меня. Это был «деловой костюм» из бара. Он поднял нож. — Я прослежу, чтобы он не последовал за тобой.

Я еще раз пнула Ирвинга в спину для пущей убедительности, затем сделала все возможное, чтобы подтолкнуть его к «деловому костюму». Тот превосходил Ирвинга на шесть дюймов и двадцать фунтов.

— Спасибо! — сказала я.

«Деловой костюм» кивнул.

Я рванула с места и, не оглядываясь, добежала до входа в метро.

Рассвет наступал медленно. Из угла вагона метро я наблюдала за парадом человеческих тараканов, входящих и выходящих. Одни трезвые, другие под кайфом. Некоторые честные, некоторые нет. Мне было все равно. У меня не было ни действующего удостоверения личности, ни денег, мне некуда было идти — уж точно не обратно в Вермонт к Еве. Я знала, чего она хотела: чтобы я потерпела неудачу. Чтобы я прибежала обратно, сказав ей, что она права и что мне нужно остаться с ней навсегда. Я бы этого не сделала. Уж лучше я сгнию здесь, став жертвой собственного упрямства.

В 7:15 я выбралась на солнечный свет, вернувшись к Центральному вокзалу. День был ясный и обнадеживающий, город проснулся. Мои ребра пульсировали в том месте, куда Ирвинг ткнул меня, слюна во рту казалась липкой. Вынув все оставшиеся у меня деньги, я взвесила, стоит ли посещать столовую.

В 7:24 зазвонил мой мобильный телефон. Поскольку зарядного устройства не было, мне повезло, что он все еще работал. Я взглянула на высветившееся имя абонента. Лайза. Чего она хочет?

Лайза без предисловий сообщила:

— Она мертва.

— Кто?!

— Тетя Ева.

Ровный тон. Я задумалась, говорит ли она мне правду. У меня поплыло перед глазами.

— Что? Как?

— Несчастный случай. В озере.

— Что за несчастный случай?

Пауза.

— Она утонула во время утреннего купания.

— Это не похоже на Еву.

Моя светловолосая, голубоглазая, чертовски богатая мать стала жертвой чего-то столь обыденного, как несчастный случай? Невозможно. Ее кончина была бы какой угодно: падение с небоскреба, авиакатастрофа. Жанна д'Арк из «*The Ladies Who Lunch*»*. Только у Евы Фостер не было дам, с которыми можно было бы пообедать. Ни друзей, ни привязанностей, ни теплых чувств. Она была снежной королевой.

— Тебе нужно приехать домой, — проговорила Лайза. Дом? У меня не было дома.

— Я пришлю за тобой машину, — сказала Лайза. — Твоя борьба окончена. — Она сделала паузу. — Пришло время вернуться.

— Я не приеду.

Но даже когда эти слова слетали с моих губ, я понимала, как беспомощно они звучат. Конечно же, я вернусь в Вермонт. Куда мне еще идти?

Лайза не стала дожидаться, пока я передумаю вслух. Она не сомневалась, что я так и сделаю. Точно так же, как всегда знала способы успокоить Еву.

— Я пришлю Дейва с машиной, — продолжила она. — Поторопись, Конни. Я буду ждать тебя в поместье. — Она сделала паузу, а когда заговорила снова, я услышала, как треснула ее самоуверенность. — Ты мне нужна.

Глава третья

Ева Фостер

Нихла, Нью-Мехико — 1997 год

Когда-нибудь Келси сведет ее в могилу. Ева Фостер вполголоса проклинала свою дочь, приберегая самые крепкие выражения для момента их встречи. Со стороны могло показаться, что дочь похожа на мать, но на самом деле Келси была упрямой — вся в отца. Упрямая, склонная

* Ария из бродвейского мюзикла по пьесе Бернарда Шоу, в которой насмешливо осуждаются богатые и состоятельные женщины, прожигающие жизнь, не деляя при этом ничего значимого.

к манипуляциям и слишком умная — порой даже в ущерб собственному чертову благу.

Офицер Тимоти Майор приподнял фуражку в старомодном жесте уважения. Он был немолод, лысоват, с широкой грудью и с руками, которые казались слишком короткими для его высокого, долговязого тела.

— Мы считаем, что она покинула Нихлу, миссис Фостер. Вы не там ищите.

Солнце в небе казалось оранжевым диском. Ева подняла взгляд, нахмурилась и поправила темные очки, защищающие ее от яркого света. Она плотнее запахнула палантин на плечах и посмотрела незнакомцу прямо в глаза — серо-зеленые, цвета быстрой реки. Они стояли снаружи у полицейского участка, на окраине города, расположенного на границе цивилизации, и оттенок глаз офицера соответствовал грязным краскам окружающей их пустыни.

Полицейский подался вперед.

— Мэм, вы слышали, что я только что сказал?

Ева выудила из сумочки портсигар и достала из него сигарету.

— Ненавижу этот богом забытый штат, — произнесла она, закуривая. — Засуха, нестерпимая жара, чертовы кактусы.

Она покачала головой, затянулась и выпустила дым концентрическими кругами. Наблюдая, как кольца рассеиваются в сухом воздухе, она снова покачала головой.

— Я чувствую, что моя дочь здесь. Продолжайте искать.

— Никто не видел ее уже несколько дней.

— Это не значит, что ее здесь нет. Мой детектив утверждает, что отследил Келси до этого места. Никто ведь не видел и того, как она уезжала, не так ли?

— Дети путешествуют автостопом. Они встречают странных... ну, давайте назовем их новыми друзьями, — замялся офицер. — И уходят с этими новыми друзьями.

Офицер собирался сказать «*странных людей*», подумала Ева. И он не ошибся бы. Подобные люди были слабостью Келси, ей нравилось дразнить их. Одному богу известно, со сколькими незнакомыми мужчинами она переспала во время своего короткого путешествия по стране.

Ева сделала еще одну затяжку, позволяя дыму наполнить ее грудь и вытеснить страх. Нет смысла останавливаться. Ева не питала никаких иллюзий, когда дело касалось ее дочери. Зажав сигарету в красных губах, женщина сняла солнцезащитные очки, не торопясь убирать их обратно в футляр. Медленно, обдуманно, выставляя напоказ бренд, выставляя напоказ свои украшения, выставляя напоказ власть, к которой она привыкла, — власть, которую давали счета в швейцарских банках и множество компаний. Но если этот мужчина и был смущен ее демонстрацией богатства, он хорошо это скрывал. Она сосредоточила свое внимание на его лице, позволяя своим холодным голубым глазам сверлить его глаза цвета грязи.

— Мой детектив сообщил мне, что это не первое исчезновение в Нихле и ее окрестностях, были и другие. Тоже *новые грузы*? — Когда полицейский не ответил, Ева продолжила: — Найдите мою дочь. Это *ваша работа*.

Офицер не пошевелился, просто в упор смотрел на нее, уперев руки в бока. Она первая отвела взгляд, ненавидя себя за эту неудачу. От него больше не будет никакой помощи. Куда бы она ни повернулась в этом городе, везде чувствовала себя загнанной в угол. Побег. Наркотики. Секс. Вечеринки. *Странные люди*. Она знала, что происходит в его голове. Что происходило в их головах. Келси. Молодая, зрелая, богатая. В лучшем случае — наивная юная девушка. В худшем случае — преступница. Подобрал какой-то подонок — возможно, из-за денег. Наверное, сейчас уже в Мексике, развлекается с каким-нибудь смуглым мальчиком в кузове пикапа. Или ловит кайф на груде подушек в старом фургоне «Фольксваген».

Снисходительный взгляд полицейского сказал все: властная мать, у которой больше денег, чем здравого смысла. Подросток-беглец, у которого слишком много времени и слишком мало дисциплины.

Только он ошибался. Очень сильно ошибался.

Ева бросила сигарету на землю — так, чтобы та приземлилась прямо у ног офицера. И, потрянув своими светлыми волосами, развернулась и пошла прочь. Если он ничего не собирается предпринимать, значит, это должна сделать она.